УДК 393 (470. 65)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ОСЕТИН, СВЯЗАННЫЕ СО СМЕРТЬЮ ДЕТЕЙ

Кокоева А.Б.

ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А», Владикавказ, e-mail:soigsi@mail.ru

Значительный интерес представляют у осетин обряды, связанные со смертью грудного ребенка. Считалось, что ребенка, у которого «молозиво еще не обсохло на губах», не положено погребать рядом с мужчинами, ибо это было оскорбительным для последних: тогда необходимо было бы справлять поминки «утробному» наравне со взрослыми. Объяснение этому – строго выдерживаемый в прошлом обычай избегания в обиходной жизни. Погребальные обряды осетин в целом разнохарактерны и имеют различия между собой. Расхождения разного рода имеются в погребениях не только по полу, но и по возрасту. В данной статье нами подробно рассматриваются обряды, связанные со смертью новорожденных, а также и обряды, связанные со смертью детей более старшего возраста у осетин.

Ключевые слова: культ мёртвых, погребение на возделываемом поле или приусадебном участке, обычай избегания, обычай «поручение-завещание», строительная жертва, сакральная энергия

FUNERAL OSSETIAN CEREMONIES CONNECTED WITH THE DEATH OF CHILDREN

Kokoeva A.B.

Federal State Budget Institution «V.I. Abaev North Ossetic Institute of Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and Republic of North Ossetia – Alania», Vladikavkaz, e-mail: soigsi@mail.ru

Of considerable interest are the Ossetians ceremonies connected with the death of the infant. It was believed that a child who «colostrum still wet on the lips» are not supposed to bury with the men, because it was offensive to the last: then it would be necessary to celebrate funeral «uterine» as adults. The explanation for this – strictly observed in the past custom avoidance in everyday life. Funeral ceremonies Ossetians generally spotty and have differences among themselves. All sorts of differences are in the graves not only by sex but also by age. In this article, we detail the rituals associated with the death of the newborn, as well as the rituals associated with death in older children Ossetians.

Keywords: the cult of the dead, burial in cultivated field or plot, the custom of avoidance, the custom of «order-will», sacrifice construction, sacred energy

Известно, что детей до 3-летнего возраста по обычаю хоронили не на общем кладбище, а на окраине возделываемого поля или в углу приусадебного огорода. При этом, как считает А.Р. Чочиев, «в отношении мальчиков приводился мотив, объясняющий, почему это не делалось на кладбищах: *«йæ хъуымыздон йæ донгæмттæй кæлы* «молозиво сочится у него изо рта», *«йæ хъуымыз нæма басур» «*молозиво ещё не обсохло на его губах». Одним словом, принцип *сывæллонæн лæгтимæ не ‘мбæлы* («утробному» не положено с мужчинами») выдерживался в отношении и живых, и мёртвых. Погребение младенца рядом со взрослыми мужчинами считалось оскорбительным для последних: тогда и «утробным» полагалось бы отправлять поминки наравне с мужчинами» [Чочиев, 1985:59]. Это объясняет тот негатив по отношению к новорождённым и маленьким детям у наших предков-мужчин, которые выдерживали обычай избегания: отец не должен был касаться детей, особенно младенцев. Об этом свидетельствует случай, приведённый К. Хетагуровым в этнографическом очерке «Особа» [Хетагуров, 1960: 33]. Еще В. Пфаф писал, что «если, например, кто-нибудь в присутствии посторонних ласкает своих детей, то он, по понятиям осетин, действует безнравственно» [Пфаф, 1872: 266].

Мужчина не должен был касаться младенца, ибо тот ещё был связан с матерью, которая, по словам информаторов, считалась «нечистой». В течение сорока дней женщина была отдалена от семьи. Она не дотрагивалась до готовки пищи и, соответственно, посуды. Когда надо было снять крышку с кастрюли (содержимое переливалось за края, а дома никого не было), женщина приносила длинную палку и ею снимала крышку (Гобозова И.Б. Село Хелчуа).

Согласно обычаям, родителям в случае смерти малолетнего ребёнка запрещалось проявление скорби, даже матери. «Я стояла в дверях, – рассказывает женщина, – и едва сдерживала рыдания, чтобы не заметили, близко тоже не подпускали к усопшему. Им занимались старые женщины-соседки» (Бесаева Е.М. 70 лет, село Прис). Учитывая многодетность и высокий уровень

смертности, подобные сдерживаемые поведенческие образцы, как видно, были оправданы с народной точки зрения. Нами записаны свидетельства информаторов, когда их старшие недоношенных детей хоронили где-нибудь в огороде, в укромном месте, где никто не ходит – *«фæсфæд»*. Однако бывали случаи нарушения обычая. В селе Цъон Джавского района дедушка похоронил на общем кладбище пятимесячного ребёнка и справил по нему большие поминки, зарезал быка. Это был первенец по мужской линии единственного сына. Его отговаривали, пугали божьим гневом, что это плохой знак для семьи. Но он не послушался. После него родилась девочка, трижды обвитая пуповиной. В народе это посчитали наказанием, хотя девочка выжила (Техова М.В., 75 лет, село Цъон).

В соседнем Горийском районе родился мальчик необычайной красоты. Через три месяца он умер. Ему не выкопали отдельную могилу, не справили поминки, но похоронили на груди умершего дедушки *(папис гулзе дамархули* – похороненный на груди дедушки) (Майсурадзе О.Н., 70 лет, село Мегврикис, Горийский район).

Подтверждением существования традиции неоплакивания малолетних детей является случай осетинского гостеприимства, когда мать скрыла смерть ребёнка перед гостем и стала печь для него – покровителя мужчин Уастырджи – хлеб [ср.: «Легенда об Уастырджи», 1971: 275].

Согласно сообщениям информантов, обычно грудной ребенок долго мучается и умирает медленно, так как покойники не желают его. Тем не менее, согласно верованиям осетин, повелитель мёртвых Барастыр выясняет, из какой фамилии ребенок, из какого села, и тогда поручает его умершим бездетным родственникам, а если таковых нет, то бездетным односельчанам. Покойники таких детей брали неохотно. По словам информантов, они, мол, мочились: *«сæ быны, дам, мызтой»*, и за ними трудно было ухаживать. (Кабулова Н., 90 лет, село Маралет).

Это и есть обычай, когда родственники умершего ребенка готовили угощение, называвшееся *«фæдзæхсын»* – «поручение-завещание», т.е. поручали ребенка кому-нибудь из умерших родственников. Старший в доме произносил речь-обращение к умершему родственнику, которому поручали ребенка: *Абонæй фæстæмæ ацы сывæллон у дæ бæрны æмæ дын æй фæдзæхсæм, цæмæй йæм кæсай, куыд дæхи сывæллонмæ, афтæ.* – С сегодняшнего дня этого ребенка (умершего) мы поручаем тебе, чтобы ты смотрел за ним, как за собственным [Гаглоева, 1974: 63].

Интересное объяснение обряду *«фæдзæхст»* даёт А.Р. Чочиев: «Характерное условие обряда ф æ д з æ х с т – «поручить», «дать наказ», «наставить» – указывает на его связь с инициациями: в древности смерть младенца понималась как преждевременное прерывание младенчества. Поскольку «переход» в иной мир считался «перерождением» в новое качество и «соединением» с предками, младенцу стремились обеспечить право на «вхождение» в мир предков посредством отправления обряда *фæдзæхст»* [Чочиев, 1985: 60].

По словам информантки Н. Кобесовой, умершие дети сразу же оказывались в раю, но из-за того, что они еще не крещенные, их не хоронили на общем кладбище. Надо полагать, что это уже влияние христианской религии. Кроме того, уверяли, что дети в царстве мёртвых превращаются в райских птичек «*дзæнæты цъиуытæ*», и по этой причине их не следует оплакивать. В царстве мёртвых у детей особые функции. По словам информаторов, они подают молоко из молочного озера – *æхсыры цадæй*. Удостаиваются этого молока только убитые на войне, которые находились в тёмном месте – *талынг бынаты,* и только дети их могут, мол, обнаружить (Кобесова Н.А., 80 лет, село Сарабук).

А.А. Туаллагов объясняет эти обычаи, связанные с детьми, традициями осетин, у которых «до трёхлетнего возраста детей не хоронили на общем кладбище. Его не оплакивали. Хоронили в огороде, либо в стороне «фæсфæд», в укромном месте. До трёхлетнего возраста осетинские дети считались как бы не до конца рождёнными и тесно связанными с матерью. Они не могли носить обычную одежду, не учитывались при подсчёте родов и т.д. В случае смерти по ним не совершали поминальных обрядов и, чтобы не осквернять кладбище, хоронили под полом дома, у входа или очага, в огороде» [Туаллагов, 2001: 163]. Аналогичные воззрения существовали у восточных славян [Байбурин, 1993: 41].

Мы бы хотели акцентировать внимание еще на одном обряде, связанном с захоронением детей.

У народов Кавказа, так же, как и у западноевропейских, распространены предания и саги о людях, заживо замурованных в фундаментах или стенах разных построек. О реалистичности их свидетельствуют как археологические раскопки на месте разрушенных сооружений, так и сохранившиеся до наших дней пережиточные обряды, обычаи и поверья.

Ещё в 1928 г. немецкий этнограф Р. Штюбе писал следующее о данном обычае,

квалифицируя его обычным понятием и термином *«строительная жертва»* – Bauofer, т.е. жертва при постройке, или строительная жертва, обычай, распространённый у народов всех культурных ступеней.

Известный фольклорист Д.К. Зеленин считал, что замурованный человек, в силу общепринятого западноевропейского объяснения, служит жертвою духам земли, арендною платою за взятую у этих духов территорию, и одновременно с этим душа замурованного человека делается духом-охранителем данного здания [Зеленин, 1954: 15], причем наиболее часто «жертвой» в Западной Европе оказывались дети.

В связи с этими обычаями небезынтересно привести эпизод из поэмы Коста Хетагурова «Плачущая скала». Чтобы достойно встретить врага, осетины решили построить боевую башню, которая утром оказалась разрушенной:

«Нужна жертва, говорю откровенно,
Пусть дети, не старше пяти лет,
Бегут наперегонки, и кто из них первый
Вынет из шапки амулет,
Того принести в жертву искупленья
И сжечь его на костре».

Первым добежал внук старейшины – Сабан. Мами взял его за ручонку и бросил в пылающий костёр. Мать бросилась вслед сыну горевшему, чтобы принять с ним его муку. Народ растерзал Мами и отдал труп его на съедение псам.

«Из скалы, на которой мать с сыном сгорели,
Ударил родник, баяны о нём песню сложили.
Этот родник зовётся материнскими слезами» [Хетагуров, 1960: 245–258].

Аналогичную историю со строительством башни описывает известный грузинский писатель Даниель Чонкадзе в легенде «Сурамская крепость». Царь Сасанидского Ирана в очередной раз вторгся в пределы Грузии. Царь Грузии приказал построить крепости на стратегически важных дорогах, чтобы остановить врага. Самые большие трудности у строителей были с Сурамской крепостью. Её стены пять раз выстраивали, но они каждый раз рушились снова и снова. Поскольку на эту крепость возлагали большую надежду, визирь по приказу царя стал искать выход из создавшегося положения.

По предсказанию лжеколдуньи, крепость будет стоять вечно и никогда не будет взята врагом, если в образовавшийся обвал при его закладывании замуровать живьём единственного сына бедной вдовы Зураба, воспитывавшей сына в одиночку. Его замуровывают в специальную нишу. В известной грузинской песне Сурамис-цихе несчастная мать обращается к сыну: «Ну, как ты там? – «Да вот уже по колено врос!», «Ну, как ты там?» – «Да вот уже по пояс» и т.д. Впоследствии, когда враг был отбит под стенами этой крепости, несчастная мать долгие годы приходила и разговаривала с сыном, а он ей отвечал. Предсказание исполнилось в точности. С тех пор Сурами стала неприступной крепостью, но слезоточит [Чонкадзе, 1984: 245–299].

Надо отметить, что в приведённых легендах строительными жертвами являются единственные сыновья вдов.

Некоторые исследователи считают, что первоначально «строительная жертва» всегда была человеческой, а животные жертвоприношения возникли как её замещение. Однако это маловероятно, считает Мирослав Курганский, «ритуалы принесения в жертву животных известны с глубокой древности, а человеческие жертвоприношения совершались, как правило, лишь в наиболее важных случаях, т.е. скорее всего при закладке крупных сооружений» [Курганский, Электронный ресурс. Режим доступа: http:miroslav-kqn]. Мирослав Курганский оспаривает и мнение Д.К. Зеленина относительно того, что создаётся домовой дух из души жертвы. Известно по легендам, что замуровывали большей частью детей и женщин, которые, очевидно, бессильны и за гробом не могут проявить свою физическую силу, ибо, как справедливо считает Мирослав Курганский, «её у них нет и не было, таким образом, и своего нового жилища, каким оказывается данное здание, они защитить не в состоянии. И потом, с какой стати принесённый в жертву против своей воли человек станет после своей смерти охранять здание, строительство которого стало причиной его убийства?» [Курганский, Электронный ресурс. Режим доступа: http:miroslav-kqn]. Как и в осетинской легенде «Плачущая скала», когда возмущённый народ жестоко расправляется с «пророком», и хотя крепость выстояла, люди больше не захотели жить в этом ауле.

Итак, «строительная жертва» – *умилостивительная* жертва духам места (плата строить на их земле). Цель же ритуала заключается в получении духа-охранителя здания. Ещё один способ получить для строения духа-покровителя заключался в том, что под углом, очагом полом или порогом жилища (согласно русским поверьям, именно в этих местах находится «хозяин») хоронили умершего родича, который в дальнейшем становился домовым. У славян в поздней традиции так хоронили мертворождённых младенцев. Обычай хоронить усопших в доме был известен также древним римлянам, индусам, майя и др. народам.

«Основная идея воспроизводящих жертвоприношение ритуалов заключена, по всей вероятности, в том, чтобы умилостивить *божества,* охладить их гнев и привести в норму их сакральную энергию с целью получения благ. Поэтому кровавый акт жертвоприношения имеет смысл кормления божества и, стало быть, оказания на него охлаждающего воздействия. Сакральная энергия подвижна и текуча, что предопределило возможность тесного контакта с ней. Удивительные способности сакральной энергии – накоплять и тратить – породили определённый комплекс ритуальных форм, нужных как для её управления, так и для защиты от её опасного влияния [Бесолова, 2012. № 9: 3]. Сакрализация пространства связана также с «*дзуары мæсыг»,* т.е. «священной башней». Башня фигурирует в обрядовой жизни горца, а также три его уровня по вертикали имеют определённое ритуально-символическое значение: верхний, самый почётный уровень, предназначен для гостей; нижний – семантически определён как «страна предков» и связь с образом предков, с изобилием; на нижнем уровне находились кладовые с запасами продуктов и хлев для скота. Именно нижний уровень башни в обрядах жизненного цикла отводили под рождение ребёнка [Там же: 3]. Поэтому и есть все основания полагать, что в древние времена существовал обряд захоронения умерших родственников в нижнем уровне башни. Об этом говорят захоронения детей, не прошедших обряда «посвящения» до трёх лет. Ибо «похороны – это погребение человека – злака, из земли прорастающего в весенние дни. Теперь этот злак, это растение, этот жених или мертвец уже мыслится – в родовую эпоху – сыном земли-матери, или мужем, или возлюбленным. Обряды бытовые и обряды земледельческие не отделяются; каждый из них развёрнутое жертвоприношение, в котором полиморфно изображается жизнь смешанного существа, бога и человека» [Фрейденберг, 1978: 96–98].

Погребальные обряды осетин, сопровождавшие погребение ребенка, надо полагать, уходят корнями в глубокую древность, прошли определенные ступени развития, и только отголоски их сохранились до недавнего времени в фольклоре, мифологии и литературе. Думаем, что трудно переоценить их значение в обогащении наших представлений о средневековой духовной культуре осетин.

Список литературы

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре восточных славян. – СПб., 1993.

2. Бесолова Е.Б. Из терминологии похоронного обряда осетин // Фундаментальные исследования. – 2012 (часть 1). – № 9.

3. Гаглоева З.Д. Культ мёртвых у осетин // Известия ЮОНИИ. – Вып. ХУ111. – 1974.

4. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934 – 1954. – М.: Индрик, 2004.

5. Курганский Мирослав. К вопросу о строительной жертве и «кутном боге» [Электронный ресурс] Режим доступа. http:miroslav-kqn.

6. Пфаф В. Я. Сборник сведений о Кавказе. Т. 2. – Тифлис, 1872.

7. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. – Владикавказ: Ир, 2001.

8. Фрейденберг О.М. Миф и литература. – М., 1978.

9. Хетагуров К.Л Этнографический очерк «Особа». – Орджоникидзе, 1960.

10. Хетагуров К.Л. Поэма «Плачущая скала» Т.III. – М., 1960.

11. Чонкадзе Даниель. Сурамская крепость. Грузинская проза. Т. VII. – 1984.

12. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. – Цхинвал, 1985.

References

1. Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kulture vostochnykh slavyan. SPb., 1993.

2. Besolova Ye.B. Iz terminologii pokhoronnogo obryada osetin // Fundamentalnyye issledovaniya. no. 9. 2012 (chast 1).

3. Gagloyeva Z.D. Kult mertvykh u osetin. Izvestiya YuONII. Vyp.KhU111. 1974.

4. Zelenin D.K. Izbrannyye trudy. Stati po dukhovnoy kulture. 1934–1954. M.: Indrik, 2004.

5. Kurganskiy Miroslav. K voprosu o stroitelnoy zhertve i «kutnom boge» [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa. http:miroslav-kqn.

6. Pfaf V. Ya. Sbornik svedeniy o Kavkaze. T. 2.Tiflis, 1872.

7. Tuallagov A.A. Skifo-sarmatskiy mir i nartovskiy epos osetin. Vladikavkaz: Ir, 2001.

8. Freydenberg O.M. Mif i literatura. M., 1978.

9. Khetagurov K.L Etnograficheskiy ocherk «Osoba». Ordzhonikidze, 1960.

10. Khetagurov K.L. Poema «Plachushchaya skala» T.III. M., 1960.

11. Chonkadze Daniyel. Suramskaya krepost. Gruzinskaya proza. T. VII. 1984.

12. Chochiyev A.R. Ocherki istorii sotsialnoy kultury osetin. Tskhinval, 1985.

Информанты

1. Гобозова И.Б., 76 лет. Село Хелчуа, Цхинвальский район.

2. Бесаева Е.М., 70 лет. Село Прис, Цхинвальский район.

3. Техова М.В., 75 лет. Село Цъон, Джавский район.

4. Майсурадзе О.Н., 70 лет. Село Мегврикис, Горийский район.

5. Кабулова Н.А., 90 лет. Село Маралет, Джавский район.

6. Кобесова Н.А., 80 лет. Село Сарабук, Цхинвальский район.

Рецензенты:

Дзаттиаты Р.Г., д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания, ФАНО «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН, г. Владикавказ;

Туаллагов А.А., д.и.н., ведущий научный сотрудник, ФАНО «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН, г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 18.04.2014.